

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-11-22

УДК 821.161.1

Е.Г. ЧернышеваМосковский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Художественный опыт воплощения национального литературного типа рядового воина в «Рассказах русского солдата» Н.А. Полевого

Аннотация. Цель статьи – рассмотреть повесть Н.А. Полевого «Рассказы русского солдата» (1834) в аспекте становления значимого в русской литературной типологии образа русского воина в его народном, «низовом», демократическом варианте. Применяются методы сравнительно-типологического, историко-культурного и мифопоэтического анализа. Установлено: русский солдат изображен в широкой панораме исторических событий конца XVIII – начала XIX вв., что придает известную эпическую ноту как повествованию, так и образам воинов. Автор сумел воплотить процесс самоопределения бывшего крестьянина в солдатской среде, становления его национальной идентичности в свете российских ценностей и воинских идеалов, основываясь на романтическом художественном историзме. Сочетание разных повествователей, сказ, социально-психологическая мотивированность делают поэтику «Рассказов русского солдата» новаторской для переходного – от романтизма к реализму – времени, в образе главного героя усматривается тип «низового» труженика ратных дел Отечества, образ способен порождать некоторые культурные мифы. Делается вывод: образы русского воина демократического, народного происхождения из повести Н.А. Полевого оказываются «первообразом» ряда персонажей высокого воинского достоинства русской литературы XIX–XX вв., обладая серьезным мифогенным и этико-эстетическим потенциалом и наряду с другими участвуют в формировании национального культурного кода.

Ключевые слова: Н.А. Полевой, образ русского воина в произведениях литературы, общенациональный литературный тип, художественный историзм в литературе, романтизм, реализм, национальный культурный код

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Чернышева Е.Г. Художественный опыт воплощения национального литературного типа рядового воина в «Рассказах русского солдата» Н.А. Полевого // Литература в школе. 2024. № 6. С. 11–22. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-11-22

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-11-22

E.G. Chernysheva

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Literary experience of actualizing the national literature type of common soldier in “Told by Russian Soldier” by N.A. Polevoy

Abstract. The purpose of the article is to consider the novelet “Told by Russian Soldier” (1834) by N.A. Polevoy allied to the genesis of the relevant for Russian literary typology images of soldier in its national, folk, grassroots democratic variations. The comparative-typological, historical-cultural and mythopoeic methods are used. It is established that the Russian soldier is depicted within a wide context of the historical events in the end of 18th and beginning of 19th century. That gives an epic sense both to the narration and the characters. Based on romantic literary historicism, the writer managed to show the process of the self-determination of the countryman among the soldiers and his national identity development in terms of Russian national values and ideals of the military. The combination of different narrators, the people’s democratic language (“skaz”) and social-psychological reasoning make the “Told by Russian Soldier” innovatory for the period of transition from romanticism to realism. The main character can be interpreted as a type of common grassroots soldier. This image can also generate cultural myths. The author concludes that in the novelet by Polevoy, the character of the Russian soldier, a common person originally, became a prototype for the type of great military honour in Russian literature of the 19th – 20th centuries. This image has an ethical, esthetical and myths-generating potential. Among other factors, it contributes to the system of national cultural values.

Key words: N.A. Polevoy, the image of a Russian warrior in literary works, a pan-national literary type, artistic historicism in literature, romanticism, realism, national cultural code

CITATION: Chernysheva E.G. Literary experience of actualizing the national literature type of common soldier in "Told by Russian Soldier" by N.A. Polevoy. *Literature at School*. 2024. No. 6. Pp. 11 – 22. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-11-22

Образ воина, защищающего Отечество, был одним из значимых в русской литературе на протяжении всего ее развития. Он вошел в национальный культурный код, постепенно вырастая до культуuroобразующего общенационального литературного типа. Тип в данной работе понимается как присущий произведениям литературы и искусства «образ, в индивидуальных чертах которого воплощены наиболее характерные признаки лиц определенной категории»¹. Благодаря таким качествам образов русских воинов, как самоотверженность и подлинный патриотизм, данный литературный тип лег в основу ценностно-смыслового строя всей русской литературной традиции.

В древнерусских летописях, «Слове о полку Игореве», воинских повестях XII–XVII вв., поэмах, одах и иных лирических и драматических произведениях XVIII – начала XIX вв. изображались с разной степенью художественной выразительности и разными образными решениями русские князья, дружинники, полководцы, герои и воинская масса, – все те, кому была уготована миссия русского ратника. Безымянные или известные авторы вносили свой вклад в литературный арсенал образов защитников российского государства, Отечества.

Эпоха романтизма с ее небывалым вниманием к принципу историзма

подняла тему исторических баталий на новую высоту, и в русской литературе первой трети XIX в. появляются повести, романы и произведения других жанров, освещающие военные эпизоды давней или актуальной истории; поэтическим гимном русскому ратному подвигу в борьбе с наполеоновским войском стало стихотворение В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» (1812), а прославлением воинской доблести в победоносной русско-шведской войне петровской эпохи – поэма А.С. Пушкина «Полтава» (1828). Запросом времени становится разработка типа национального героя-воина, обладающего набором устойчивых черт. «Осмысление национального типа героя осуществляется сквозь призму адаптации русской истории к кругу постоянного чтения» в конце XVIII – начале XIX в. [1, с. 112]. В этом смысле роль произведений русских романтиков на историческую тему трудно переоценить [3–5].

Вместе с тем тенденции реализма, отчетливо проявившиеся в русской литературе с начала 1830-х гг., заявили о себе, в том числе, в появлении новых *социально-психологических типов*, обусловленных конкретно-историческими обстоятельствами, а также в более выраженной дифференциации и психологизации уже существующих литературных типов. Например, лишние люди в ряду образов молодых дворян, маленький человек в ряду образов чиновников и др.

¹ Лузянина Л.Н., Чернышева Е.Г. Историзм Пушкина // Пушкин. Школьный энциклопедический словарь. М., 1999. С. 1074.

(стоит ли говорить, что оба этих типа появились в творчестве А.С. Пушкина: в романе в стихах «Евгений Онегин» и повести «Станционный смотритель», хоть «поименование» этих типов состоялось позже). Так, образы военных только лишь в пушкинском и лермонтовском творчестве 1830-х гг. определились как различные типы: преданный долгу военный (служака), безнравственный провокатор, офицер-бретер и игрок (вплоть до игры с судьбой) и др.

Л.В. Чернец заметила: «Если в художественном воплощении характеров, знаменующих рождение нового типа, прерогатива принадлежит, как правило, классикам, то функцию его закрепления, проверки на прочность выполняют другие ряды, выделяемые в литературной иерархии», писатели, относящиеся к беллетристике, а также массовой литературе [8, с. 10]. «Как правило» – важное для нас замечание исследователя, так как появление типа рядового русского воина, солдата состоялось в творчестве литератора, традиционно относимого к писателям второго ряда – Н.А. Полевого. Образы, развивающие его в русской литературе, становятся (как и при «движении» и обогащении иных типов персонажей) *вариациями* этого *инварианта* (структуралистская терминология разделяется Л.В. Чернец при описании типа персонажа [7]). В данной статье помимо характеристики нового для русской литературы типа русского солдата (и/или младшего офицера, до которого могут дорасти рядовые), впервые объемно представленного Н.А. Полевым, будут обозначены некоторые образы из более поздних произведений русских писателей, содержащие вариативные возможности типа

или соотнесенной с ним сюжетной ситуации, находящиеся с прецедентным образом-типом в художественной переключке, интертекстуальной связи (вновь прибегаем к общерапространенной структуралистской терминологии).

Издатель одного из самых читаемых российских научно-литературных журналов, «Московского телеграфа», Н.А. Полевой известен как автор эпических и драматических произведений разной жанрово-тематической природы. Среди его повестей – светские, исторические, простонародные.

В сборнике «Мечты и жизнь», вышедшем в 1834 г., под заголовком «Рассказы русского солдата» были опубликованы не последовательно друг за другом две части этой простонародной повести «Крестьянин» и «Солдат».

В центре повествования – выходец из государственных крестьян, однодворцев, Сидор. Конфликт «Крестьянина» – романтическое противостояние личности и общества; сюжет, следовательно, содержит историю романтического отчуждения героя. Оно проявляется в стойком неприятии Сидора бездеятельными и апатичными, нередко голодающими, не укорененными в церковной жизни односельчанами, которые здесь выполняют роль традиционной романтической «толпы» в оппозиции героя и общества. Романтический канон проявляется также в родительском проклятии, в отчаянном, но свободном тайном браке с дочерью зажиточного крестьянина, в традиционном романтическом бегстве героя. Оно воплощено в новаторском сюжетном ходе: Сидор добровольно идет в солдаты, берет на себя рекрутскую повинность. Но отношения Сидора с односельчанами обречают дополнительную яркую краску:

повесть содержит элемент романтической идеализации общинных нравов, «народного духа»; над героем довлеет опыт крестьянской жизни «под одним небом божьим» [2, с. 147]. Это проявление общинного сознания, в какой-то мере свойственного герою, а также «братское», христианское мироотношение, станет тем зерном, которое прорастет в иной конфликт и станет инвариантной чертой типа русского солдата.

Во второй части («Солдат») реализуется конфликт, несущий на себе приметы реализма: противостояние героя и среды разрешается привыканием героя и обретением новой идентичности: Сидор начинает ощущать и видеть себя частью не только семьи, «своей стороны», но и всей русской земли, русского воинства. Формирование этой новой самодостаточности и слитности с социумом, по сути – формирование нового типа – русского солдата, преданного Отечеству, реализуется на разных уровнях поэтики: сюжетно-композиционном (развитие действия, повествовательный строй, совмещающей несколько субъектов повествования), речевом (приемы сказа, связанные с повествовательным строем), пространственно-временном; с очевидностью отражается принцип художественного историзма². Он был реализован в исторических повестях и романах Полевым как писателем-романтиком и по-новому претворен в предреалистическом повествовании во второй части «Рассказов русского солдата».

В повествовательном строе совмещены точки зрения [6] несколь-

ких субъектов повествования. Прежде всего – это воспоминания Сидора-старика и «актуальные» для описываемых событий высказывания молодого Сидора (эта модель осложнена развернутой речью автора-повествователя и «фольклорно»-героического фельдфебеля). Совмещение двух «точек зрения» одного персонажа (Петра Гринева) – постаревшего участника событий и молодого военного, верного слуги армии, Отечеству и самодержавию – будет развито с поразительным художественным результатом в «Капитанской дочке» (1836) А.С. Пушкина. Но если и военно-историческая, и семейно-любовная сюжетная линии органично соединены в романе Пушкина, то у Полевого в части «Солдат» вторая практически исчерпывает себя, лишь фрагментарно давая о себе знать.

Значимо развернутое описание процедуры «забрития лбов», типичной для рекрутского набора в русской армии сцены, небезуспешной в передаче психологии солдатской массы. Начиная со слов «...вдруг бледнел товарищ...» следует «нанизывание» эпизодов этого стандартного мероприятия, сопровождающееся, однако, нагнетанием эмоционального напряжения, взвинченного состояния рекрутов, набившихся в приемную казенной палаты, где и шел набор, и толпы свидетелей, родных и зевак. Этому своеобразному «репортажу», в чем-то наследующему сюжетно-образный строй главы «Городня» из «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева и прокладывающему путь «дагерротипным» оттискам профессионального быта в физиологических очерках, контрастирует лаконичное начало: «Мы сами скоро пригляделись...», –

² Кожин В.В. Историзм // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 321–324; Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 499.

характеризующее стирание, притупление чувств новобранцев. «Ведь ко всему привыкнуть можно, правое слово, ко всему» [2, с. 412], – рефреном звучит в повести реплика Сидора.

Но автору важно показать нелинейность пути от крестьянина к солдату: эпизод последней встречи с женой, когда новобранец Сидор бросился в реку, чтобы доплыть до парома и увидеться с едва живой Дуняшей, придает психологизм и драматизм непростому процессу идентификации героя с солдатской массой.

Но Сидор уже включен в новую систему отношений, где нет места импульсивным действиям. В сознание солдата внедряются новые правила поведения в иной, военной, жизни: «Капрал схватил меня за ворот и сердито закричал:

– Как смел ты, бездельник! <...> Какая у солдата жена, кроме ружья! Мочить в воде, портить – казенную амуницию... Вот я тебя научу...» [Там же, с. 416]. Драматична следующая за этим диалогом сцена: «Но – ударили, забили в барабан, и мы отправились в поход; мне нельзя было и оглянуться, посмотреть: стоит ли еще Дуняша и смотрит ли на меня...» [Там же, с. 420]. Мысль о личном горе замирала, когда Сидор «видел своих товарищей, видел, что ... не один» [Там же]. Не раз герой в своих страданиях будет апеллировать к другим солдатам, своим товарищами: «Не диво, коли солдаты крепко стоят друг за друга: их связывает одинокая участь, их дружит общая судьбина, общая дума, что нет у них ни отцов, ни матерей, ни роду, ни племени, ни впереди надежды, ни назади памяти – приютиться негде, завидовать некому, думать не о чем, лег – свернулся, встал – встрях-

нулся – весь тут!» [Там же]. Экзистенциальный план психологической прорисовки характера, фундирующего тип солдата как субъекта коллектива товарищей, выглядит новаторским: индивидуализация не противоречит типизации, а придает вариативность инвариантной основе.

В третьей главе повествование будет сосредоточено не на внутренних, психологических аспектах персонажа, а на изображении внешних обстоятельств, важнейших событий хода истории, упрочивших формирование устойчивых черт анализируемого литературного типа.

Перед читателем проносятся картины военных катаклизмов и многочисленных баталлий, которые вела Россия в конце XVIII – начале XIX в., упоминания о военных походах, подробнее или лаконичнее – о роли полководцев (А.В. Суворов, П.А. Румянцев, Г.А. Потемкин, П.И. Багратион), императоров (Наполеон, Александр I и др.).

Со страниц повести встают примеры воинской отваги, солдатской сметливости, жизнестойкости русского человека, картины сурового солдатского быта и т.д. Благодаря им повествование приобретает некоторую эпическую широту и социально-психологический объем: раскрывается существование личности в сфере групповой психологии, армейских этики и этикета, реальных (но не свободных от мифологизации) исторических событий и поданных как достоверные вымышленных ситуаций.

Суровые условия казарменной жизни, муштра, палочная дисциплина, воспринимаются стоически, мужественно, даже как норма: «Палка реже других гуляла по моей спине. Без палки нельзя, ваше благородие...» [Там же, с. 421].

По воле автора Сидор успешно овладевает и другими премудростями солдатской науки, и даже не теряет своего лица: выбивается в унтер-офицеры. Себя-крестьянина Сидор воспринимает теперь как человека неразвитого, далекого от осознания государственных нужд, ограниченно-го. Грамотность – одно из «жизнеподобных» объяснений относительно развитого самосознания выходца из народной среды.

Обретение собственного воинского достоинства требует нового опыта, и это декларируется рассказчиком Сидором-стариком, словно в публичном выступлении – с использованием особых риторических приемов. «Но кто век свой провел в казарме да на ученье, тот еще плохой солдат, в половину солдат, в четверть солдат, как говорил наш отец Суворов. Нет! Для полного солдата надобно побывать в походе, помыкаться на чужой стороне, окуриться порохом, поджариться на огне» [2, с. 421]. Так заявляет о себе мимико-артикуляционный сказ, описанный Б.М. Эйхенбаумом применительно к повестям Н.В. Гоголя второй половины 1830-х гг. [10]. Художественная задача последующего повествования – показать, как человек становится «полным солдатом», для чего разворачивается кумулятивная (походно-бивуачная) часть сюжетного развития и все более отчетливо – сказовая манера повествования.

В преддверии рассказа о собственном боевом опыте Сидора содержится значительный повествовательный пласт: рассказы «старого служивого», «лихого фельдфебеля» Зарубаева, участника еще русско-турецких войн XVIII в. Это и рассказы о «тонкостях» царской дипломатии, полу-

чившей оригинальную интерпретацию в подаче фельдфебеля, о войнах времен Екатерины и Павла (упоминаются сражения под Кагулом и главнокомандующий Румянцев, штурм Измаила под командованием Суворова), что тоже способствует «эпизации» повествования. Да и сам образ Зарубаева ориентирован на богатырские образы русского народного эпоса, а также христианской мифологии. Старый воин наделен необычайными физическими, моральными и интеллектуальными способностями. «Этакий был солдат, чудо, с каменной грудью, с золотым языком – златоуст, да и только! И обо всем был мастер говорить» [2, с. 425]. Эпитет «каменная», возможно, в данном случае является отголоском характерного для исторических преданий мотива рождения героя от горы, камня, включения его в систему каменных объектов. Аллюзия на образ православного оратора, константинопольского архиепископа Иоанна Златоуста, чьи речи отличались особой выразительностью, существенно укрупняет образ, подчеркивает силу влияния старого воина.

На Зарубаева автором возложена миссия передачи воинского опыта, солдатской мудрости, знания «дедов» новобранцам. Вспоминая о собственном «боевом крещении», Сидор мысленно обращается к «эталонному» Зарубаеву: «Я не похвастал бы перед Зарубаевым, если б сказал, что не кланяюсь ядрам» [Там же, с. 430]. Осмысление схожести с ним – критерий происходящих в герое изменений до степени «полного солдата». Образ Зарубаева остается в сознании героя неким идеалом.

Очевидны ценностные, сюжетно-композиционные и стилевые, риторические аналогии с героями

лиро-эпического стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино» (1837): полковника, старого солдата-рассказчика, солдатской массы. Романтизировано в духе воинских фольклорных моделей и народно-христианских преданий изображение гибели Зарубаева. «Ну, Сидор, прощай, брат! <...> Учись умирать по-солдатски – видишь; как! Твори молитву, вытянись в последний раз, явись к богу молодцом, и как спросят на переключке у господина, отвечай: “Лег за матушку Россию и за веру православную...” Господи, помилуй!..» [2, с. 429].

Христианский смысловой код скрепляет все повествование, изображение бытовых или батальных картин. Так, в рассказах Сидора о военных походах упоминаются имена святых, всякий раз они органично и ненарочито вплетены в повествование. Георгий Победоносец упоминается в связи с первым боем Сидора весной *после Егория* – во время первых столкновений с французами под командованием Суворова, а сам полководец молится перед строем Николаю Чудотворцу. Провиденциальная идея лежит в основе ценностно-мировоззренческого строя художественного мира повести, ею поддерживается мироощущение героя во всех выпавших на его долю испытаниях.

В дальнейшем повествовании с очевидностью проявляется динамика характера русского солдата. При изображении итальянского похода русской армии на фоне знакомства с «чужим» миром в герое происходит осознание своей русскости. В словах Сидора о заграничных землях видится патриотизм, национальная гордость, даже осознание некоторой своей национальной избранности, русское великодушие и терпимость.

Автору важно показать нестандартность, свежесть восприятия нерусского быта, жизненного уклада крестьянским, демократическим сознанием: «Нагляделся я чудес и диковинок» [Там же, с. 427] и т.д. Наивное, с точки зрения развитого читателя, восприятие, и рассказ о нем создает комический эффект, который достигается различными речевыми приемами. Прежде всего, это насыщенные речи варваризмами, в том числе индивидуально-авторскими. Здесь налицо идеологическая и культурная повествовательная дистанция между автором-повествователем и основным рассказчиком повести, характерная для сказового типа повествования, реализуемого в повести в разных формах [9, с. 56–57, 70–82].

Обращение («Но итальянская земля, *ваше благородие*, еще мудрее»), театральные жесты рассказчика («немец снимет шляпу и поклонится») создают у читателя иллюзию присутствия на некоем повествовании – представлении. Так поддерживается мимико-артикуляционная разновидность сказа [6].

Обогащает тип солдата варьирующийся в повести мотив встречи простого солдата с историческим лицом. При передаче облика Суворова и Наполеона (встреча во время заключения Тильзитского мира) и в их оценках Сидором проявляется облик самого русского героя-солдата.

Мифологизация как одна из черт романтического историзма очевидна – с разными знаками оценки в обеих встречах.

Встреча с Суворовым несет на себе отзвук традиционного для фольклорного предания мотива «Приезд исторического лица». Полевой мог ознакомиться с некоторыми из преданий

по книге Вас. Левшина «Собрание писем и анекдотов, относящихся до жизни Суворова», выдержавшей несколько изданий в первые десятилетия XIX в. Солдат обращает внимание на демократизм Суворова: «Из див диво: старичишко, худенький, седенький, маленький, в синей шинели, без кавалерий, на казацкой лошади поворачивается в седле направо, налево, а за ним генеральства – гибель. Но как он подъехал, как заговорил, так и узнал: отчего солдаты его любят...» [2, с. 428]. «Рассказы...» не единственная повесть, где разрабатывается образ Суворова [1]. Значима параллель с эпизодом из романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир» – смотр войск под Браунау, в котором участвуют Кутузов и австрийский генерал. Та же простота главнокомандующих, та же любовь солдат к ним, многочисленные свиты – общая модель релевантна историческим реалиям и повествовательному канону, но облик Суворова у Полевого фольклорно-каноничен, мифологизирован.

Встреча же с Наполеоном имеет явную комическую составляющую (а сатирическая нота присутствует и при описании пира императоров и королей). Сидор с его народно-религиозным сознанием разными способами подчеркивает дьявольскую природу французского императора, проступают мифопоэтические черты персонажа [9, с. 65]. Наивная оценка и «русский» взгляд на ситуацию бытовой встречи с иноземцами придают устойчивые черты складывающемуся типу, которые будут развиваться и в сторону иного сословного типа: наивного, но укорененного в любви к России мастерового («Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе» Н.С. Лескова).

Эпизод подписания Тильзитского мира на излете солдатской службы Сидора демонстрирует укрепление в главном герое солдатской любви не только к полководцами (кроме А.В. Суворова здесь представлен как «солдатский» генерал П.И. Багратион), но и к русскому царю, выраженной в сентиментальном ключе: «Александр Павлович был такой добрый до солдат, да ведь *император*, то есть *земной бог*, ваше благородие, нельзя не побояться, хоть рад душу за него положить!» [2, с. 435].

Композиционно перекликаются друг с другом эпизоды первого и последнего боя Сидора.

Первое сражение – опыт воспроизведения эпической картины крупной баталии глазами рядового ее участника и тонкое описание переживания солдата-новичка. Пережитое, увиденное и услышанное сначала производит на Сидора шоковое впечатление. Оно передано в прерывистой речи Сидора, состоящей в нагромождении несопоставимых синтаксических конструкций, очевидно также использование экспрессивных фонетических и лексических приемов в панорамном воссоздании боя [Там же, с. 429].

Из невменяемого состояния, очень понятного, естественного для человека, попавшего в батальную «мясорубку», выводит Сидора уже привычный для него гипноз команды, боевого клича: «А между тем нам кричат одно: «Держи строй! Смыкайся! <...> И поверите ли: весь страх у меня тогда пропал» [Там же, с. 429–430]. Автор наделяет Сидора новыми чертами, рожденными смертельным сражением: непримиримость к врагу, отсутствие колебаний в выборе средств, воодушевление и торжество победы, оплаченной высокой ценой:

«Ох! была тут потеха – натешилась душа! Чего тратить казенные патроны! ближе к делу – прямо через огорожу да штыком... Сробеет! Ведь не русский!» [2, с. 430].

Важная перспектива развития этой стороны нарождающегося типа – массовый героизм защитников Севастополя, мужество преодоления смертельных угроз, тяжелых ранений в «Севастопольских рассказах» Л.Н. Толстого, в изображении батальных сцен в «Войне и мире», в частности – эпизоды на батарее генерала Раевского, где артиллеристы демонстрируют самоотверженность, а батальное воодушевление проявляется в молниях скрытого огня патриотизма в глазах воинов.

Последний бой Сидора и описание госпиталя, где ему ампутируют ногу, преисполнены трагизма и натуралистичности. И вновь в сознании героя значима ориентация на товарищей!

Выходом для Сидора становится не инвалидный дом, который обеспечивается государством, а свободный поиск собственной доли, если не на родине, где его некому уже ждать, то вдали от нее на скромной казенной службе. Однако горечь от итогов солдатского бытия, всей судьбы, неоднократно повторяется в лаконичных «грустно», «таково густливо стало мне» и др.

Композиционным прологом к этому финалу выступают размышления героя о причинах солдатской жестокосердности в начале части «Солдат». Точнее, это лирико-философское отступление одного из повествователей – Сидора-старика – в структуре «актуальных» для описываемых событий высказываний и мировидения молодого Сидора. Мотивы утопического настоящего и будущего вопло-

щают солдатскую мечту (если бы солдаты услышали, как говорит «...хоть один добрый человек... <...> “Брат, приятель! Не кручинься: таков, видно, твой жребий, чтобы послужить отечеству за церковь божию, за батюшку государя, за свою братию христиан! Не кручинься, что тебе пришлось отстаивать грудью землю русскую! Царь тебя будет миловать и миловать. Воротишься ты потом на свою сторону <...> а земляки твои тебя чествуют и заслушиваются твоих рассказов о том, где бывал ты, что видал ты, как бил ты врагов поганых сильного царства русского” <...> Слышит ли когда-нибудь солдат подобное слово? А еще жалуются, что иногда, с сердцов, солдаты расплачиваются по-своему... Рассудите-ка поближе...» [Там же, с. 413–414]. Здесь в свернутом виде содержится одновременно нереализованная утопия и сюжет «расплаты» отставного солдата за тяготы службы, который будет реализован в «Повести о капитане Копейкине» из «Мертвых душ» Н.В. Гоголя, рассказе Н.С. Лескова «Разбойник» и др.

Но в этом же отрывке, как и во множестве эпизодов и высказываний героя, выражены и принципиально не дискредитированные ценности простого русского солдата, патриота царелюбивого и верующего. Заметим, что основные идеи концепции государственной идеологии, сформулированные С.С. Уваровым («Самодержавие, Православие, Народность»), были изложены им императору в ноябре 1833 г. В этом смысле глубинные ценностные ориентиры представителя низового воинства, изображенного Полевым в повести 1834 г., коррелировали со смыслом знаменитой «триады», оказавшей влияние на все стороны общественной жизни

и выражавшей мнения национально-ориентированной элиты. Но социально-критический пафос рефлексии русского солдата, как он был представлен Н.А. Полевым, очевиден, а позиция самого автора в злободневной журнальной публицистике и острой критике стоила Н.А. Полево-му закрытия журнала (что произошло не без серьезного влияния С.С. Уварова), а современниками, в том числе А.С. Пушкиным³, расценивалась как якобинство.

Итак, в повести «Рассказы русского солдата» Н.А. Полевым осуществлен художественный опыт создания

общенационального характера русского рядового воина-патриота, обладающего подлинной верой, самоотверженностью во имя царя и Отечества, чувством товарищества, смекалкой, живым восприятием даже самых трагичных моментов судьбы и большой Истории. На пути к реализму Полевой создает образ русского воина демократического, народного происхождения, генерирует тип, к которому относят персонажей высокого воинского достоинства русской литературы последующих периодов. Возникает и в дальнейшем развивается один из жизнестроительных культурных мифов, обладающих мощным этико-эстетическим потенциалом, формирующих национальный культурный код.

³ Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1962. Т. 7. С. 325.

Библиографический список

1. Дзюба Е.М. Исторический персонаж как реализация национальной модели образа-персонажа в русской литературе первой трети XIX века (Н.А. Полевой «Краковский замок») // Научный диалог. 2018. № 8. С. 108–121.
2. Полевой Н.А. Мечты и жизнь. СПб., 1986.
3. Семенкин А.К. Проблема романтического историзма Н.А. Полевого в романе «Клятва при Гробе Господнем»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.
4. Семенкин А.К., Чернышева Е.Г. Нижегородское княжество в повести Н. Полевого «Симеон Кирдяпа» (к проблеме романтического историзма) // Нижегородский текст русской словесности: сборник статей по материалам V международной научной конференции. Нижний Новгород, 2015. С. 103–111.
5. Степанова М.Г. Историческая проза Н.А. Полевого: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999.
6. Успенский Б.А. Поэтика композиции: структура художественного текста и типология композиционной формы. М., 1970.
7. Чернец Л.В. О типологическом изучении литературных персонажей // Stephanos. 2016. № 1 (15). С. 80–90.
8. Чернец Л.В. Тип персонажа и его эволюция // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. Т. 24. № 4. С. 8–16.
9. Чернышева Е.Г. Повести Полевого. Проблемы поэтики: дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
10. Эйхенбаум Б.М. Как сделана «Шинель» Гоголя // Поэтика: сборники по теории поэтического языка. Вып. [3]. Пг., 1919. С. 151–165.

References

1. Dzyuba E.M. Historical character as realization of national model of image-character in Russian literature of the first third of XIX century (N.A. Polevoy's "Krakow castle"). *Nauchnyy dialog*. 2018. No. 8. Pp. 108–121. (In Rus.)
2. Polevoy N.A. *Mechty i zhizn* [Dreams and life]. St. Petersburg, 1986.

3. Semenkin A.K. Problema romanticheskogo istorizma N.A. Polevogo v romane «Klyatva pri Grobe Gospodnem» [The problem of romantic historicism in the novel “An Oath at the Tomb” by N.A. Polevoy]. PhD Dis. Moscow, 2016.
4. Semenkin A.K., Chernysheva E.G. The Nizhny Novgorod Principality in N. Polevoy’s story “Simeon Kirdyapa” (to the problem of romantic historicism). *Nizhegorodskiy tekst russkoy slovesnosti: sbornik statey po materialam V mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Nizhniy Novgorod, 2015. Pp. 103–111. (In Rus.)
5. Stepanova M.G. Istoricheskaya proza Polevogo [Historical prose of Polevoy]. PhD Dis. St. Petersburg, 1999.
6. Uspenskiy B.A. Poetika kompozitsii: ctruktura khudozhestvennogo teksta i tipologiya kompozitsionnoy formy [Composition poetics: The structure of literary text and the typology of compositional form]. Moscow, 1970.
7. Chernets L.V. About typological analyses of literary characters. *Stephanos*. 2016. No. 1 (15). Pp. 80–90. (In Rus.)
8. Chernets L.V. The personage type and its evolution. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2016. Vol. 24. No. 4. Pp. 8–16. (In Rus.)
9. Chernysheva E.G. Povesti Polevogo. Problemy poetiki [Polevoy’s tales. Problems of poetics]. PhD Dis. Moscow, 1989.
10. Eikhenbaum B.M. How is “The Mantle” by Gogol made. *Poetika: sborniki po teorii poeticheskogo yazyka*. Issue [3]. Petrograd, 1919. Pp. 151–165. (In Rus.)

Статья поступила в редакцию 30.10.2024, принята к публикации 20.11.2024
The article was received on 30.10.2024, accepted for publication 20.11.2024

Сведения об авторе / About the author

Чернышева Елена Геннадьевна – доктор филологических наук; заведующий кафедрой русской классической литературы, директор Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Elena G. Chernysheva – ScD in Philology; Head of the Department of Russian Classical Literature, Head of the Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: el.chernysheva@yandex.ru